

История философии. Социальная философия

УДК 17:2

DOI: 10.28995/2073-6401-2023-4-10-30

Этика общего дела Н.Ф. Федорова и этика ненасилия

Анастасия Г. Гачева

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
Московская высшая школа социальных и экономических наук
Библиотека № 180 им. Н.Ф. Федорова ОКЦ ЮЗАО г. Москвы
Москва, Россия, a-gacheva@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассмотрен комплекс религиозно-философских идей российского мыслителя Н.Ф. Федорова, утверждавшего идеал соработничества человека Богу в деле преображения мира, выдвигавшего идею истории как «работы спасения». Показано, что федоровская философия воскрешения и регуляции строится на принципе соответствия цели и средств, опирается на субъект-субъектный подход к миру и человеку, полагает в основу социального взаимодействия Христову заповедь о любви и в этом смысле родственна этике ненасилия, апеллирующей к высшему началу в человеке. В контексте сравнения этики общего дела и этики ненасилия рассмотрен спор Н.Ф. Федорова с Л.Н. Толстым, выявлено, что философ, полемизируя с писателем, стремится поставить принцип ненасилия в сильную позицию, соединяя его с идеалом активного христианства, преодолевавшего разделение и братоубийство через возвращение жизни всем жертвам истории. Выявлено, что основной водораздел между этикой общего дела и этикой ненасилия проходит по линии веры/неверия в возможность всецелого преодоления зла и смерти. Федоровский подход, открывающий перспективу движения от непротивления злу насилием к преодолению смерти и розни как неизбежных причин и столь же неизбежных последствий насилия, избавляет идеал ненасилия от внутренних противоречий и неизбежного компромисса с искаженной социальной реальностью. В свете идеала всеобщего дела ненасилие становится той «программой минимум», которая должна привести к «программе максимум», где заповедь «Не убий!» расширится в Христово «Мертвых воскрешайте!».

Ключевые слова: философия Н.Ф. Федорова, учение Л.Н. Толстого, этика общего дела, этика ненасилия, активное христианство, оправдание истории, проблема преодоления зла, воскрешение

© Гачева А.Г., 2023

Для цитирования: Гачева А.Г. Этика общего дела Н.Ф. Федорова и этика ненасилия // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствознание». 2023. № 4. С. 10–30. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-4-10-30

N.F. Fedorov's ethics of common cause and ethics of nonviolence

Anastasiya G. Gacheva

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
The Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia;
Fyodorov's Library no. 180 OKC of the Southern Administrative District
of Moscow, Moscow, Russia, a-gacheva@yandex.ru*

Abstract. The article considers the complex of religious and philosophical ideas of N.F. Fedorov, a Russian thinker, who affirmed the ideal of man's cooperation with God in the transformation of the world, who put forward the idea of history as a "work of salvation". It is shown that Fedorov's philosophy of resurrection and regulation is based on the principle of matching goals and means and relies on a subject-subject approach to the world and man, puts Christ's commandment about love as the basis of social interaction and in that sense is related to the ethics of nonviolence, appealing to the highest principle in man. In the context of comparing the ethics of the common cause and the ethics of nonviolence, as well as the dispute between N.F. Fedorov and L.N. Tolstoy is considered. It is revealed that the philosopher, arguing with the writer, seeks to put the principle of nonviolence in a strong position, combining it with an ideal of active Christianity, overcoming division and fratricide through the return of life to all victims of history. It is also revealed that the main divide between the ethics of the common cause and the ethics of nonviolence runs along the line of faith/disbelief in the possibility of overcoming evil and death altogether. Fedorov's approach, which opens up the prospect for moving from non-resistance to evil by violence toward overcoming death and discord as inevitable causes and equally inevitable consequences of violence, frees the ideal of nonviolence from internal contradictions and inevitable compromise with distorted social reality. In the light of the ideal of the universal cause, nonviolence becomes the "minimum program" that should lead to the "maximum program", where the commandment "Thou shalt not kill!" will expand into Christ's "Raise the dead!".

Keywords: N.F. Fedorov's philosophy, L.N. Tolstoy's conception, ethics of common cause, ethics of nonviolence, active Christianity, justification of history, the issue of overcoming evil, resurrection

For citation: Gacheva, A.G. (2023), “N.F. Fedorov’s ethics of common cause and ethics of nonviolence”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 10–30, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-4-10-30

Введение. Еще о споре Н.Ф. Федорова с Л.Н. Толстым

В статье мы попытаемся соотнести «этику общего дела Н.Ф. Федорова» [Семенова 1989], основанную на идеи соработничества человека Богу в истории, императиве обращения догмата в заповедь, принципе апокатастасиса, с этикой ненасилия, рассматривая обе системы в контексте искания созидательной альтернативы для мира, путей преодоления межчеловеческой розни, утверждения *совершеннолетних* принципов взаимодействия людей и народов Земли. И начнем разговор с не раз освещавшегося в историко-философских и литературно-философских исследованиях спора философа воскрешения с Л.Н. Толстым¹, значимого не только в историко-культурном, но и в мировоззренческом плане.

Сразу отметим, что критика Федоровым толстовской идеи «непротивления» не означала того, что философ отрицал принцип ненасильственного противодействия злу, укорененный в евангельской заповеди «Да любите друг друга» и Христовой молитве за распинавших Его: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23, 34). Еще в 1866 г., задолго до знакомства с Л.Н. Толстым, Федоров со всей убежденностью заявлял: «Я всегда был против известного иезуитского правила, что цель оправдывает средства, и горячо противодействовал умствованиям многих, утверждавших противное» [Богданов 2010, с. 416]. Слова эти были произнесены на допросе по делу Д.В. Каракозова, стрелявшего в Александра II, и касались общения мыслителя с членами ишутинского кружка, которых познакомил с ним его ученик и бывший ишутинец Н.П. Петерсон, надеясь, что Федорову удастся повлиять на его прежних товарищей так, как повлиял он на него самого при первой встрече, совершенно изменив идеиную оптику юного ре-

¹ Подробнее о споре Федорова и Толстого см.: Горский А.К. Перед лицом смерти. Л.Н. Толстой и Н.Ф. Федоров // Горский А.К. Сочинения и письма: В 2 кн. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 642–658; Петерсон Н.П. Н.Ф. Федоров и его книга «Философия общего дела» в противоположность учению Л.Н. Толстого «о непротивлении» и другим идеям нашего времени. Верный, 1912; [Семенова 2016, с. 206–243; Гельфонд 2009; Гачева 2019, с. 198–214; Hagemeister 1989, S. 129–139].

волюционера: «Не разрушение и смерть, а жизнь бесконечную проповедовал Николай Федорович, и я отвернулся от прежней своей деятельности². Ту же «жизнь бесконечную» проповедовал Федоров и в диалогах с Толстым, призывая перейти от «неделания» к «отеческому и братскому делу», в котором живущие со знательно и свободно становятся «исполнителями мысли и воли Бога»³, желающего спасения всем.

Мировоззренческий спор Толстого и Федорова выявляет общность их этической установки, направленной на осуществление «братского единения людей»⁴, на выход из «небратского, неродственного, т. е. немирного состояния мира» и «восстановление родства»⁵, причем и в первом, и во втором случае ищутся благие пути преодоления межчеловеческой розни. Исследователи, обращавшиеся к идейной полемике Н.Ф. Федорова с Л.Н. Толстым, заостряли внимание на особенностях федоровской аргументации: «отрицательным добродетелям», учащим, чего не надо делать, он противопоставляет призыв к благому действию, «непротивлению» – «общее дело», толстовскому «Не убий!» – императив «Воскрешай!» (см.: [Семенова 2016, с. 232–234; Гельфонд 2009, с. 15–16]), стремясь расширить горизонт нравственного сознания, ставя вопрос о религиозном задании человека, призываю

...делать метафизику, реально воплощать чаяния христианской веры, из которых центральный, эмоционально и смыслово наиболее нагруженный и понятный каждому смертному, – воскресение мертвых [Семенова 2016, с. 216].

Общая писателю и философи установка на гармонизацию социального порядка, на выяснение межчеловеческих отношений, на выбор для достижения чаемой цели только благих средств позволяет рассматривать обе системы идей в контексте

² Петерсон Н.П. Автобиография // ОР РГБ. Ф. 657. К. 11. Ед. хр. 5. Л. 8.

³ Федоров Н.Ф. Соч.: В 4 т. М.: Прогресс Традиция, 1995–1999. Т. 2. С. 342, 354.

⁴ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1928–1964. Т. 30. С. 195.

⁵ Федоров Н.Ф. Соч.: В 4 т. Т. 1. С. 35. Толстой, познакомившись с идеями Федорова, по воспоминаниям последнего, признавался, что «само заглавие» главного сочинения философа общего дела, «т. е. “Вопрос о причинах небратства и средствах восстановления братства” “выворочено у него из души”» (Там же. Т. 2. С. 337).

этики ненасилия и одновременно в случае с Федоровым побуждает говорить о предпринятой философом общего дела радикальной ее трансформации, стремлении перевести ненасилие из позиции *удерживающего*, когда оно лишь ограничивает всемирное людоедство, насколько возможно сдерживает разгулявшееся, циничное зло, в позицию *побеждающего*, но не «железом и кровью», а усилием любви, неразрывной с научным знанием и творческим деланием, не дистанцированием от братоубийства, а братотворением через воскрешение, возвращение к преображеной, бессмертной жизни всех жертв взаимоистребительной, падшей истории. Соединяясь с ключевыми категориями федоровской философии: «активное христианство», «умиротворение», «братотворение», «многоединство» по образу и подобию Троицы, «психократия» и др., – ненасилие радикально расширяет свой смысловой объем, претворяясь в благую, животворящую энергию действия, подобную той, которая была явлена в делах Спасителя мира, утишавшего бури, умножавшего хлебы, исцелявшего больных, воскрешавшего умерших, которую являли апостолы, исполняя заповедь Господа: «Ходя же, проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное; больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте» (Мф. 10, 7–8).

Этика ненасилия и идеал преображения мира

Стремление к вы светлению и преображению жизни, к изменению самих оснований человеческого действия, которое должно основываться не на внешнем принуждении, а на совершеннолетней свободе, на силе и благодати любви, на сознании ответственности за бытие и историю, мы находим у ведущих представителей этики ненасилия XX в. Вот как характеризует эту линию этической мысли один из главных ее исследователей и теоретиков, академик А.А. Гусейнов: «Этика ненасилия связывает в один неразрывный узел спасение человека и спасение мира, и полагает, что путь такого спасения лежит через ненасилие» [Гусейнов 1992, с. 75]. Ненасилие предстает как «действенное, притом более действенное, чем другие, и адекватное средство» изменения самого строя жизни, оно «является завязью нового – справедливого, отвечающего идеалам любви и правды – типа отношений между людьми» [Гусейнов 1992, с. 74].

Понимание неразрывности спасения человека и спасения мира, утверждение любви и «родственного внимания»⁶ к другому как подлинной нормы взаимодействия личностей характерны и для Федорова, и для его современников Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева, и для представителей русской религиозно-философской мысли и культуры XX в. С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, А.К. Горского, Н.А. Сетницкого, В.Н. Муравьевса, Г.П. Федотова и др., развивавших идею оправдания истории, соединенную с идеей оправдания человека как сына и соработника Творца, призванного к «восстановлению мира в то благолепие нетления, каким он был до падения»⁷. Русские мыслители искали пути высыпления социума, преображения на евангельских началах всех сфер человеческого дела и творчества: от политики и экономики до педагогики и культуры, отвергая «двойную бухгалтерию» по отношению к личной и социальной морали, подчеркивая, что «и в политических организациях» должна быть «признаваема та же правда, та самая Христова правда, что и для каждого верующего»⁸, что прикрываться, подобно Н.Я. Данилевскому, в общественном и политическом действии «бентамовским принципом утилитарности» и ветхозаветным «око за око»⁹ значит проваливать дело Христово в истории и соглашаться на компромисс с «князем века сего». Они стремились заложить новую основу международных отношений, основанную на идее христианской политики, на идеале соборности, на представлении о человечестве как симфоническом единстве народов, культур, человеческих лиц, образ которого дан в Пресвятой Троице, неслиянной и нераздельной. И в этом стремлении преобразить самые основания политического и социального действия также пересекались со сторонниками этики ненасилия. Комментируя позицию таких ее представителей, как Махатма Ганди и Мартин Лютер Кинг, А.А. Гусейнов утверждает:

---

⁶ Это выражение М.М. Пришвина, духовно близкого Н.Ф. Федорову, пуповинно связанного с русской религиозно-философской традицией, как нельзя лучше подходит для определения того типа мироотношения, который утверждается и самим Н.Ф. Федоровым, и теми представителями русской мысли и литературы, которые близки христианской ветви русского космизма (см.: [Семенова 2016, с. 603–614; Кнопре 2019, с. 179–247; Гачева, 2019, с. 348–365]).

⁷ Федоров Н.Ф. Соч.: В 4 т. Т. 1. С. 401.

⁸ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 25. С. 51.

⁹ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 33–34.

Сторонники ненасилия дерзновенно убеждены, что даже политика – этот отчий дом организованного и легитимного насилия – может быть кардинально преобразована на принципиально ненасильственных основах и что от этого преобразования она только выиграет, выиграет именно как политика [Гусейнов 1992, с. 73–74].

Н.Ф. Федоров и апологеты идеи истории как «работы спасения»¹⁰ отказываются принимать разрозненное, «небратское» состояние мира как норму, полагая его именно состоянием, временным и преодолимым, но отнюдь не на тех властных, самоуправных путях, которыми идет «ветхий», «право имеющий» человек, не на путях Наполеона или «великого инквизитора», не через манипуляторные практики и насильтвенное принуждение к счастью, а через утверждение той евангельской, совершенолетней свободы, которая неразрывна с заповедью о совершенстве: «Будьте совершенны, как совершен Отец Ваш Небесный» (Мф. 5, 48). Принцип «Исполните на себе сами, и все за вами пойдут»¹¹ требует начинать не с переделки другого, а с перестройки себя, с духовной и нравственной умоперемены, вслед за которой не замедлит и действие, строящееся на совершенно иных основаниях, нежели действие обособленного, гордынного «я». Федоровская «Молитва о всеобщем спасении», созданная по образу Христовой молитвы «Отче наш», противопоставляет «жизни для себя, для взаимного стеснения и вытеснения» жизнь «со всеми живущими для всех умерших», «внешрамовое дело» преображения мира, участники которого стремятся быть «орудиями, достойными святой воли» Отца и Творца¹².

Одновременно философ общего дела, излагающий его основания как в религиозно-философской, так и в естественно-научной системе координат, представляет идеал преображения мира, воплощенный в Христовом благовестии о Царствии Божием, как императив, который задает человеку сама природа, приходящая в нем «к самосознанию и самоуправлению»¹³, и тем самым предваряет В.И. Вернадского, выдвигающего концепцию ноосферы как новой ступени развития, на которую восходит живое с возникновением человека. Ноосферный этап цивилизации, по мысли Вернадского, побуждает человечество осознать себя единым планетарным субъектом, преодолевая соблазн разделений, конфликтов, националистической обособленности, и требует новых принципов действия,

¹⁰ См. подробнее: [Гачева 2019, с. 217–235].

¹¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 25. С. 63.

¹² См.: Федоров Н.Ф. Соч.: В 4 т. Т. 2. С. 47–48.

¹³ Там же. С. 77.

в свете которых насилие выглядит как атавизм. Перед существом мыслящим и творящим открываются безграничные возможности, «если он поймет это и не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление»¹⁴, – подчеркивает ученый.

Об этом созидающем векторе развития, предполагающем нравственное и духовное *совершеннолетие* человеческого рода в терминах И. Канта и Н.Ф. Федорова, и об осознанном выборе ненасилия в качестве приоритетного, а в перспективе и единственного инструмента социального действия в мире III тысячелетия пишут и современные российские исследователи [Ненасилие 1993; Воропаева 2011; Борзенко 2015]. В книге «Ноосферный гуманизм», актуализирующей в современном контексте идеи Н.Ф. Федорова, В.И. Вернадского, Пьера Тейяра де Шардена, И.М. Борзенко предлагает

...к лозунгам свободы, равенства и братства, определяющим пространство всей жизненной полноты, в котором должен описываться путь развития глобального человечества... добавить принципы сегодняшнего поиска третьего пути – ненасилие... преемственность (как прямое следствие ненасилия) и просвещение» [Борзенко 2015, с. 271],

подчеркивая, что заданное активно-христианскими, активно-эволюционными мыслителями дело «всеобщего преображения», предполагает единство знания и любви, «ненасильственной солидарности», т. е. «братьства» [Борзенко 2015, с. 262, 263].

Этика ненасилия и этика воскрешения

Несмотря на очевидные переклички между этикой общего дела и этикой ненасилия, в последней обнаруживаются те смысловые акценты, которые делают ее, в лексике Федорова, только «борьбой обороночительной». Это, с одной стороны, представление об изначальной и неустранимой двойственности человеческой природы, которой зло столь же органически присуще, как и добро, и с другой – убежденность в естественности и непреодолимости смертного статуса человека. Оба тезиса загоняют в тупик дело ненасильственного сопротивления злу, обрекая его на заведомый проигрыш.

Ненасилие в своем сопротивлении злу и жестокости имеет барьеры в принципиальном отказе от насильственных действий, в то

---

¹⁴ Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 479.

время как насилие осуществляет себя «безбарьерно», то лицемерно прикрываясь моралью¹⁵, то отбрасывая ее. Впрочем, по утверждению А.А. Гусейнова, «ненасильственная борьба» и «не ставит задачу преодолеть зло насилия (насилие органично человеческой природе)», она лишь «объявляет ему вечный бой» [Гусейнов 1992, с. 76]. Ненасилие стремится к увеличению в мире удельной массы добра, но, как бы ни стала она велика, она способна лишь потеснить, но не вытеснить зло...

Этика насилия у таких ее апологетов, как Л.Н. Толстой и Мартин Лютер Кинг, опирается на Евангелие. Но у Толстого новозаветная этика ограничивается Нагорной проповедью, не вмешая в себя факт Воскресения Христова, а Мартин Лютер Кинг видит в этом факте опору для нравственного воскресения души человека в его земной жизни. Федоров же полагает во Христе Воскресшем обетование всецелого преодоления смерти – не только нравственного, но и физического, не только духовного, но духо-телесного, более того – делает веру в полноту Воскресения основой воскрешающего действия, «внехрамовой литургии», расширяющейся на все сферы активности человека и преображающей их изнутри. Смерть, как и способность к насилию, предстает в мысли философа не нормой, пусть удручающей, но неотменимой, а искажением нормы, деформацией подлинной природы человека, созданного по образу и подобию Божию, но преступившего Божий закон и теперь, подобно разбойнику благоразумному и блудному сыну, призванному вернуться в дом Отца, восстановливая утраченное богоподобие. И если этика насилия, смирившаяся с неизбывностью зла, постоянно наталкивается на реальность разрыва между наличным и должноым, выраженного горестным восклицанием ап. Павла: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим. 7, 19), то этика общего дела стремится ликвидировать причины этого разрыва, коренящиеся в поврежденном состоянии человеческой природы. Всеобщее воскрешение, в котором призван, по Федорову, деятельно соучаствовать человек, открывает перспективу всецелой победы над смертью, абсолютного торжества добра, когда насилию как принадлежности послегрехопадного порядка реальности не останется места.

Опора на человеческую природу в ее данности (т. е. падшести), признание склонности к насилию такой же конститутивной чертой человеческой природы, как и склонность к добру, обрекает

¹⁵ А.А. Гусейнов не раз в своих статьях и выступлениях подвергал критике «моральную демагогию», когда «моральные понятия используют как форму духовного прикрытия господства одного человека над другим» [Гусейнов 2019, с. 632]; см. также: [Гусейнов, 1995].

этику ненасилия не только на неизбежные противоречия, но и на... вынужденные компромиссы со злом. Ненасилие – паллиативное средство, но исцелить человеческую природу от порывов ко злу, пытающихся не только поврежденностью души, но и смертной физикой тела, оно не способно. Это исцеление, по Федорову, дает лишь активно-христианское действие, направленное на преображение не только душевной, но и телесной природы личности, соединяющее принцип ненасилия с принципом воскрешающей регуляции.

Любовь, предстающая в этике ненасилия действенным орудием высветления мира, столь же действенна и универсальна и в этике Федорова, соединяющей Христовы заповеди о любви и единстве с призывом Спасителя к ученикам: «Ходя же, проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное: больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте» (Мф. 10, 7–8). Именно эта триединая связь: любви к ближнему, единства по образу и подобию Троицы и преображающего мир действия, уподобляющегося действию Спасителя, Который исцелял, воскрешал, утишал бури, умножал хлебы, делает этику любви тем орудием, которое позволяет не просто надеяться, но и осуществлять, не просто чаять «воскресения мертвых и жизни будущего века», но и активно стремиться к «осуществлению чаемого».

Утверждая, подобно сторонникам этики ненасилия, принцип преодоления зла через активность добра, Федоров выдвигает идею умиротворения, тесно связывая ее с идеалом родства. Божественная родственность, явленная в Триединстве Отца, Сына и Духа, предстает для философа образом совершенного родства, и не только родства семейного, но и родства всеобщего, которое в человечестве непрерывно разрывается в клочья, но от этого не перестает быть реальностью, укореняясь в единство происхождения человечества – от «прадеда Адама» и «прабабы Евы»¹⁶. Всечеловеческое родство расширяется и укрепляется не только христианским деланием в настоящем и не только обращением к будущему, но прежде всего движением в глубь прошедшего, воскресительной памятью об отцах. «Тайна братства скрывается в отцах»¹⁷, – не раз повторял мыслитель и продолжал: «Похоронив отцов, мы схоронили братство. Все попытки восстановить братство, которым история потеряла счет, останутся бесплодными, пока восстановление жизни отцов не будет поставлено целью всей жизни всех сынов человеческих»¹⁸. Преодоление межчеловеческой розни, с которой Л.Н. Толстой

¹⁶ Федоров Н.Ф. Соч.: В 4 т. Т. 1. С. 311.

¹⁷ Там же. Т. 3. С. 540.

¹⁸ Там же.

стремится справиться через ненасилие, Федоров осуществляет путем воскрешения, видя в нем залог полноты умиротворения, прочности «вечного мира». Ибо все жертвы истории, попавшие под каток локальных или глобальных войн, втоптанные в свою или чужую землю, стертые в безвестный прах, возвращаются к жизни братски-любовным, воскресительным действием их потомков. Познание прошедшего, которое осуществляется в историческом знании, становится основой для воскрешения и тем самым мыслится как священный, искупительный акт, предваряющий воскресительную работу, объединяясь в которой живущие преодолевают не только существующую между ними рознь, но и былую рознь между умершими.

Воскресительная оптика, неразрывная с воскрешающим действием, становится залогом искупления и прощения. Для философа общего дела нет умерших – все умерщвленные. Все – жертвы смерти, наступающей или по естественным причинам, или в результате несчастного случая, или вследствие насилия человека над человеком. Они уже «понесли высшую меру наказания, смертную казнь»¹⁹, и дело потомков – не судить, не выносить обличающие приговоры, не спорить об оценках прошедшего, делая умерших предметом раздора живущих, обличение насилия в прошлом – поводом к насилию нынешнему, но возвращать к преображенной, бессмертной жизни всех жертв насилия – природного или социального, не имеет значения.

Еще Достоевский, споря с лозунгами Великой французской революции, предупреждал: «зло таится в человечестве глубже, нежели предполагают лекаря-социалисты»²⁰. Социальные реформы бессильны, если не будет целостного преображения человека, и не только нравственного, но и физического, изымающего из человеческого естества жало греха и смерти. Федоров, углубляя мысль Достоевского в споре с Толстым, утверждал, что так же бессильны против войны призывы сторонников ненасилия бросить оружие: «*Война не волевое явление*, и никакими уговариваниями, как бы сильны и красноречивы они ни были, уничтожить войну нельзя»²¹. Тем более что эти призывы, направленные против ведущих войну, и споры со сторонниками войны, подчас настолько ожесточенны и настолько заряжены праведным гневом, что кажется, «тотчас перешли бы в настоящую войну, если бы спорящие имели власть»²².

¹⁹ Федоров Н.Ф. Соч.: В 4 т. Т. 1. С. 52.

²⁰ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 201.

²¹ Федоров Н.Ф. Соч.: В 4 т. Т. 2. С. 282.

²² Там же. С. 276.

Философ общего дела хорошо понимал, что, пока будет смерть, будет и насилие, как ее преданный спутник, и будут апологеты насилия, считающие смерть нормой вещей, а значит, легко прибирающие ее к рукам в качестве инструмента социального управления. Будут и те, кто считает смерть ассенизатором истории, полагая, что сей очистительница жизни при крайней нужде не грех и помочь. Будут, добавим, и романтики войны, видящие в ней проявление высшего подъема жизни, которая получает наконец шанс выйти из инерции слабого существования, преодолеть духовную леность и теплохладность (как будто других путей выхода из теплохладности у человечества не имеется!): «Война приближает к человеку смерть, тем самым выдергивая его из быта и ввергая в бытие, в “прекрасный и яростный мир”; война через возвращение смерти провоцирует человека на разрешение проклятых вопросов его бытия» [Варава, Коробов-Латынцев 2020, с. 137].

Для Федорова подобная словесная эквилибристика «любителей войны»²³, провозглашающих ее «подлинной философией» и «наукой умирать» [Варава, Коробов-Латынцев 2020, с. 137], столь же безответственна, как и призывы «любителей мира» бросить оружие при полном игнорировании вопроса о причинах войны, которые, по мысли философа общего дела, отнюдь не социальны и лишь внешне определяются политическими амбициями государств и народов. Эти причины, подчеркивает философ, коренятся в самом порядке природы, стоящем на борьбе существ, вытеснении, смерти. Но «любители мира» предпочитают этого не замечать, агрессивно отстаивая ненасилие, «проповедуя мир со враждою в душе»²⁴, и во всем обвиняют своих идеиных противников, которые на деле столь же бессильны перед смертной реальностью.

По Федорову, преодоление межчеловеческой розни и войны как предельного ее проявления лежит на путях преодоления смерти.

Для человеческого рода, коего жизнь состоит в взаимном истреблении, мир возможен лишь при всеобщем воскрешении. Пока человек не будет воскрешать, он будет убивать. Прочный мир, т. е. вечный, тогда только будет заключен, когда будут возвращены не пленные только, а все убитые живыми. Без выполнения этого условия вражда останется, не будет искоренена²⁵.

²³ Федоров Н.Ф. Соч.: В 4 т. Т. 2. С. 276.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Т. 3. С. 314.

Этика ненасилия и этика регуляции

Один из ключевых постулатов этики ненасилия – бережное, любовное отношение ко всем живым существам. Л.Н. Толстой, определяя задачи искусства, особенно отмечал его способность вызывать «благоговение к достоинству каждого человека, к жизни каждого животного»²⁶. Писатель подчеркивал нравственный смысл вегетарианства, считая его «первой ступенью» к «истинному христианству», стремящемуся не на словах, а на деле исполнять евангельскую заповедь о любви²⁷. Как Толстой, так и Ганди видели в насилии человека над животными проявление его нравственного недостоинства и призывали своих современников к максимальной ответственности перед живыми существами Земли. Этика ненасилия стала колыбелью швейцеровской этики благоговения перед жизнью, повлияла на становление экологической этики и концепций постгуманизма, выдвигая субъект-субъектный, а не субъект-объектный, гордынино-прометеистический принцип взаимодействия человека с природой.

Распространение принципа ненасилия за пределы человеческих и только человеческих отношений, утверждение его основой взаимодействия человека и биосфера, позволяет сопоставить подход теоретиков ненасилия с подходом Н.Ф. Федорова и традиции христианского космизма, которые в своем понимании темы «Человек и природа» исходили, с одной стороны, из образа человека как доброго хозяина на планете Земля, которому Господь вверяет творение, и животных, как его неотделимую часть, на благое попечение и возделывание, а с другой – из появляющегося у апостола Павла образа стенающей твари, покорившейся «суете» в силу падения человека и ныне «с надеждою ожидающей откровения славы сынов Божиих» (Рим. 8, 19). Сближаясь со сторонниками этики ненасилия в признании любви как основного принципа отношения человека к живым существам, они добавляли к нему принцип возделывания, подчеркивая, что человек, движущийся к совершенству, должен возвести к совершенному состоянию все бытие.

Для Федорова и философов-космистов человек, являющийся, по самому своему происхождению, творческим авангардом природы, должен не просто благоговеть перед жизнью, но преобразить эту жизнь, внести в природу, плененную законами вытеснения и борьбы, сверхприродный, Божественный закон – закон любви и братотворения, устроить не только жизнь социума, но и жизнь

²⁶ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 30. М.: ГИХЛ, 1951. С. 195.

²⁷ Там же. Т. 29. С. 57–85.

природы по образу и подобию Троицы, нераздельной и неслиянной. И здесь опять очевиден водораздел между этикой ненасилия, стремящейся гармонизировать отношения человека и природы в рамках наличного их состояния, и этикой общего дела, стремящейся преобразить не только отношение человека к природе, но и способ функционирования природного мира, внести нравственный закон в самую глубь вещества, устроить бытие природы на том принципе неслиянности-нераздельности, который манифестирует в Троице.

Отмечая эту особенность этики Н.Ф. Федорова, С.Г. Семенова вводит ключевое для мыслителя понятие регуляции [Семенова 1989, с. 25–30]. Регуляция, т. е. «внесение в природу воли и разума», управление процессами, протекающими на всех уровнях природного мира, выстраивает себя как созидающая, этически цельная альтернатива господствующей в человеческом хозяйствовании прометеистической, утилитарной эксплуатации, которая, по Федорову, самоубийственна для самого человека: «Цивилизация эксплуатирующая, но не восстановляющая не может иметь иного результата, кроме ускорения конца»²⁸.

Сторонники этики ненасилия со своей стороны критикуют прометеизм и утилитаризм, выступают против эксплуатации природы, воспринимая ее как недолжное и постыдное отношение к природному миру. Но путь избавления от греховной эксплуатации видят не в перезагрузке активности человека, а в ее максимальной редукции, в предельно допустимом «неделании». И это разводит их с Федоровым, для которого регуляция, напротив, требует максимальной активности, но активности подлинно совершенолетней. Если путь эксплуатации апеллирует к низшему в человеке, демонстрируя, к чему приводит ситуация, когда гордынный, самостный человек истребляет дары природного мира, расхищает и утилизирует богоданное творение, то идеал регуляции, напротив, увеличивает жизнетворческие силы мира. Совершенная, преображенная жизнь движется уже не сменой поколений, не взаимным истреблением, а тем образом неслиянно-нераздельного единства, которым связаны Три Лица Троицы. Устроить всю природу по образу и подобию Троицы – таков предельный замысел Федорова.

Примечательно, что для Федорова императив преображения, перехода природы к новому, совершененному состоянию не волонтаристически вносится в природу, а имманентно присутствует в ней. Природа через творческое действие человека стремится избавиться

---

²⁸ Федоров Н.Ф. Соч.: В 4 т. Т. 1. С. 197.

от смертности и слепоты. И человек, как инстанция самосознания и действия самой природы, становится ее Вергилием.

О том, что борьба за существование не является всеобъемлющим принципом устройства природного мира, что в самой природе вызревает новый закон, пишет не только Федоров. Его троюродный брат по отцу, философ и общественный деятель П.А. Кропоткин в работе «Взаимопомощь как фактор эволюции» подчеркивал, что в природе, наряду с дарвиновским принципом борьбы за существование, которым столь часто живущие оправдывают свое право на насилие в социуме, действует и проявляет себя закон взаимопомощи, и именно этот закон является главным фактором развития, гораздо более действенным, чем фактор борьбы.

Позднее писатели и поэты XX в. – В. Хлебников, Н. Заболоцкий, Д. Андреев – выразят художественно эту устремленность природы к сознанию и совершенному действию, к высшей разумности и сердечности. У Заболоцкого в поэмах «Безумный волк» (1931) и «Торжество земледелия» (1933) появляются образы животных, стремящихся подняться по эволюционной лестнице вверх, преодолеть силу земного тяготения, обрести бессмертие, включиться в сотворчество с человеком. А Д. Андреев в «Розе Мира» и поэме «Железная мистерия», ставя идею преображения мира в христианский контекст, полагает перспективу взаимодействия человека с природой в постепенном преодолении в натуре человека хищнических деструктивных начал и одновременно в таком же преодолении этих начал в самой природе, в воспитании «человека облагороженного образа», с одной стороны, и в развитии «зоопедагогики» – с другой²⁹.

Идея обращения орудий разрушения в орудия спасения и принцип апокатастасиса

На финальных страницах статьи вновь вернемся к спору Н.Ф. Федорова и Л.Н. Толстого. Резкость этого спора со стороны Федорова, отчасти вызванная особенностями его личного темперамента (недаром современники сравнивали его с пророком), была вызвана и стремлением философа удержать своего собеседника, являющегося кумиром многих, от ложного выбора, предостеречь от нигилистического соблазна, проявлявшегося то в восклицании «Динамитцу бы!» при посещении в 1882 г. вместе с Федоровым

²⁹ Андреев Д.Л. Роза Мира. М.: Прометей, 1991. С. 238.

³⁰ См. об этом: Федоров Н.Ф. Соч.: В 4 т. Дополнения. Комментарии к Т. IV. М.: Традиция, 2000. С. 61–63.

торгово-промышленной выставки, то в эпатирующем заявлении в стенах Румянцевской библиотеки «Сжечь бы все эти книги»³⁰, то в призывах к неделанию. Федоров подчеркивал, что толстовское неприятие государства и его институтов, стоящих на насилии и насилие порождающих, звучавший из уст писателя призыв не исполнять воинской и судебной повинности, не платить налоги, дабы не субсидировать тем самым неправедную, нехристианскую власть, не только не устраниет зла в мире, но, напротив, способен усилить противостояние и вражду. С точки зрения Федорова, нужно не пассивное лишь «неучастие» в делах тьмы, в множающихся насилиях и убийствах, а сознательный труд «искупления всеобщего греха», восстановления «жизни всех умерших поколений». Государственные институты, подчеркивает мыслитель, в их настоящем задании создаются не для насилия, а, напротив, для сдерживания межчеловеческой розни, и их отмена в непреображенном социуме, пронизанном энергиями разделения, чревата гоббсовской «войной всех против всех». «Государство необходимо, пока не образовалось всемирное родство»³¹, – утверждает мыслитель, выдвигая, подобно Достоевскому, идею высветления государства, его преображения в Церковь. Эта идея, подчеркивал он, для своей реализации требует нового фундаментального выбора, который должен лечь в основу государственных институтов, права, политики, радикально их перестроив и перенаправив их действие, что в конечном итоге и позволит в обществе, вставшем на путь общего дела, исключить насилие как инструмент социального действия. Попытка же перепрыгнуть через стадии становления новой всечеловеческой общности приводит – внешне парадоксально, а на деле глубинно закономерно – к культурному и историческому нигилизму.

Юридико-экономические принципы регулируют общество при слабости или шаткости религиозно-нравственных оснований, при несовершеннолетии человечества, которому, как образно выражился Достоевский, при всяком удобном случае «так хочется побежать нагишом»³². И нужно идти не к горделивому отрицанию социально-экономических институтов, а к их внутреннему перерождению, когда они обратятся в силу, не подавляющую, а постепенно высветляющую горизонт жизни и действия. Федоровский принцип – не принцип негации, когда те, кто осуществляют насилие, вытесняются за пределы этического отношения, отбраковываются как недостойные, а принцип умиротворения и братотворения.

³¹ Федоров Н.Ф. Соч.: В 4 т. Т. 1. С. 104.

³² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 25. С. 47.

С установкой не на отрицание, а на преобразование связана одна из ключевых идей Федорова – идея обращения орудий разрушения в орудия спасения, а армии – в естествоиспытательную силу, делающая философа одним из родоначальников идеи конверсии, понятой в высшем, не узкопрагматическом, а аксиологическом смысле. Конверсия как принципиальный поворот от действия военных технологий по их *убийственному* назначению на пути мирного строительства воплощает последовательно проводимый Федоровым идеал обращения зла в добро.

Идея обращения орудий разрушения в орудия спасения раскрывается во всей своей полноте в свете идеала апокатастасиса. При желании ее можно назвать одной из версий апокатастасиса. Утверждение мира во всем мире, обращение, как пишет Федоров в начале «Вопроса о братстве», міра в мир предполагает не аннигиляцию недолжного и недостойного, а просветление всего бытия, всех элементов природной и человеческой жизни. Будучи направлены на регуляцию, орудия разрушения преображаются в орудия жизни, служат творческому прорыву, всеземному свершению, как то было с немецкой военной «семеркой», ставшей той самой ракетой, которая вынесла на орбиту Земли сначала первый спутник, а затем корабль Гагарина.

В той же степени, как сами орудия, горнило преобразования проходят и операторы этих орудий и все те, кто для сторонников этики ненасилия попадают в стан правителей и исполнителей, пополняя глубоко презираемую когорту апологетов войны. Философ общего дела, призывающий преодолевать стихийность и слепоту в себе и мире, а не изощряться в противостоянии себе подобным, по-евангельски разделяет грех и носителя греха. Он – настоящий христианский персоналист, для которого каждая человеческая личность, даже предельно исказившая в себе образ Божий, призвана к преображению и не может служить «матерьялом» исторических строек. В своем понимании судьбы личности философ перекликается с Достоевским, с его старцем Зосимой, говорящим о всеобщей ответственности за совершенное зло, недопущении насилия над другим и «опыте деятельной любви», и особенно близок Бердяеву, который в книге «О назначении человека: Опыт парадоксальной этики» поставит вопрос об ответственности праведных и чистых за грешников, видя полноту «нравственного сознания человечества» в том Божьем вопросе, который неизбежно прозвучит из уст Творца в finale времен: «Авель, где брат твой Каин?»³³

---

³³ Бердяев Н.А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. М.: Республика, 1993. С. 237.

Заключение

В своей программной книге «Тайны Царствия Небесного» С.Г. Семенова, задаваясь вопросом, «как начать вытаскиваться из нашей смертной и смертоносной природы» [Семенова 1994, с. 173] и в чем может состоять «тайна первого шага»³⁴, писала о том, что человечество, идущее в своем развитии путем нравственных запретов (таких как запрет инцеста и антропофагии), должно наложить на себя еще один абсолютный запрет – убийства другого, и именно этот «фундаментальный запрет» станет начальной ступенью восхождения к новой, преображенной, бессмертной природе. С самого детства, подчеркивала С.Г. Семенова, необходимо воспитывать понимание: «ты родился на свет как представитель рода “человека разумного и неубивающего”» [Семенова 1994, с. 175]. Этика ненасилия, воплощенная в заповеди «Не убий!», тем самым, становится той «программой минимум», которая в перспективе времени и истории должна расширяться в «программу максимум», в дело всеобщего воскрешения, более того – только в свете «программы максимум» ненасилие перестает быть утопией.

Источники

- Андреев Д.Л. Роза Мира. М.: Прометей, 1991. 289 с.
- Бердяев Н.А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. М.: Республика, 1993. 383 с.
- Горский А.К. Перед лицем смерти. Л.Н. Толстой и Н.Ф. Федоров // Горский А.К. Сочинения и письма: В 2 кн. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 642–658.
- Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Петerson Н.П. Н.Ф. Федоров и его книга «Философия общего дела» в противоположность учению Л.Н. Толстого «о непротивлении» и другим идеям нашего времени. Верный, 1912. 184 с.
- Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1928–1964.
- Федоров Н.Ф. Собр. соч.: В 4 т. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995–1999.

Литература

- Богданов 2010 – Богданов В.В. Следственное дело учителя Богородицкого уездного училища Николая Федорова // «Служитель духа вечной памяти»: Николай Федорович Федоров (к 180-летию со дня рождения): Сб. науч. ст.: В 2 ч. Ч. 2. М.: Пашков дом, 2010. С. 403–431.

---

³⁴ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 25. С. 63.

- Борзенко 2015 – *Борзенко И.М.* Ноосферный гуманизм. М.: Академический проект, 2015. 526 с.
- Варава, Коробов-Латынцев, 2020 – *Варава В.В., Коробов-Латынцев А.Ю.* Война и смерть в русской философии // Донецкие чтения 2020: Образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Междунар. науч. конф. Т. 9 / Под общ. ред. С.В. Беспаловой. Донецк, 2020. С. 134–137.
- Воропаева 2011 – *Воропаева Ю.П.* К проблеме этики ненасилия в условиях глобализации // Вестник ОГУ. 2011. № 7 (126). С. 96–99.
- Гачева 2019 – *Гачева А.Г.* «Идеал ведь тоже действительность...»: Русская философия и литература. М.: Академический проект, 2019. 734 с.
- Гельфонд 2009 – *Гельфонд М.Л.* Н.Ф. Федоров и Л.Н. Толстой: «Общее дело» против «Не-делания» (границы философской критики идеи ненасилия в русской духовной культуре) // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2009. № 1. С. 13–22.
- Гусейнов 1992 – *Гусейнов А.А.* Этика ненасилия // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 72–81.
- Гусейнов 1995 – *Гусейнов А.А.* Моральная демагогия как форма апологии насилия. Доклад на Международной конференции «Российско-германский диалог: насилие в пост тоталитарных обществах» // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 5–12.
- Гусейнов 2019 – *Гусейнов А.А.* Этика и культура: Статьи, заметки, выступления, интервью. СПбГУП, 2019. 784 с.
- Кнорре 2019 – *Кнорре Е.Ю.* Сюжет «пути в Невидимый град» в творчестве М.М. Пришвина 1900–1930-х гг. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 295 с.
- Ненасилие 1993 – Ненасилие: Философия, этика, политика / [А.А. Гусейнов, В.С. Степин, Ж. Госс и др.; Отв. ред. А.А. Гусейнов]. М.: Наука, 1993. 186 с.
- Семенова 1989 – *Семенова С.Г.* Этика «общего дела» Н.Ф. Федорова. М.: Знание, 1989. 63 с.
- Семенова 1994 – *Семенова С.Г.* Тайны Царствия Небесного. М.: Школа-Пресс, 1994. 415 с.
- Семенова 2016 – *Семенова С.Г.* Русская литература XIX–XX вв.: От поэтики к миропониманию. М.: Академический проект: Парадигма, 2016. 890 с.
- Hagemeister 1989 – *Hagemeister M.* Nikolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München, 1989. 550 s.

References

Bogdanov, V.V. (2010), “Investigative case of Nikolay Fedorov, teacher of Bogoroditsky district school”, “*Sluzhitel' dukha vechnoi pamyati*”. *Nikolai Fedorovich Fedorov* [“A minister to the spirit of eternal memory”]. Nikolai Fedorovich Fedorov], in 2 vols., vol. 2, Pashkov dom, Moscow, Russia, pp. 403–431.

- Borzenko, I.M. (2015). *Noosfernyi gumanizm* [Noospheric humanism], Akademicheskii proekt, Moscow, Russia.
- Gacheva, A.G. (2019), “Ideal ved’ tozhe deistvitel’nost’...”: Russkaya filosofiya i literatura [“The ideal is also reality...”, Russian philosophy and literature], Akademicheskii proekt, Moscow, Russia.
- Gel’fond, M.L. (2009), “N.F. Fedorov and L.N. Tolstoy: ‘Common cause’ against ‘doing nothing’ (Aspects of Philosophical Criticism of the Non-violence concept in the Russian Spiritual Culture)”, *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki*, no. 1, pp. 13–22.
- Guseinov, A.A. (1992), “Ethics of Nonviolence”, *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 72–81.
- Guseinov, A.A. (1995), “Moral Demagogic as a Form of Apology for Violence. Report at the International Conference ‘Russian-German Dialogue. Violence in Post-Totalitarian Societies’”, *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 5–12.
- Guseinov, A.A. (2019), *Etika i kul’tura: Stat’i, zametki, vystupleniya, interv’yu* [Ethics and Culture. Articles, notes, speeches, interviews], SPbGUP, Saint Petersburg, Russia.
- Guseinov, A.A. (ed.) (1993), *Nenasilie: Filosofiya, etika, politika* [Nonviolence. Philosophy. ethics. politics], Nauka, Moscow, Russia.
- Hagemeister, M. (1989), *Nikolaj Fedorov, Studien zu Leben, Werk und Wirkung*. München.
- Knorre, E.K. (2019), *The plot of “the way to the Invisible City” in the work of M.M. Prishvin in the 1900s–1930s*, PhD Dissertation, Moscow, Russia.
- Semenova, S.G. (1989), *Etika “obshchego dela” N.F. Fedorova* [Ethics of the common cause by N.F. Fedorov], Znanie, Moscow, Russia.
- Semenova, S.G. (1994), *Tainy Tsarstviya Nebesnogo* [Secrets of the Kingdom of Heaven], Shkola-Press, Moscow, Russia.
- Semenova, S.G. (2016), *Russkaya literatura XIX–XX vv.: Ot poetiki k miroponimaniyu* [Russian Literature of the 19th–20th centuries. From Poetics to Worldview], Akademicheskii proekt, Paradigma, Moscow, Russia.
- Varava, V.V. and Korobov-Latyntsev, A.Yu. (2020), “War and Death in Russian Philosophy”, Bespalova, S.V. (ed.) *Donetskie chteniya 2020: Obrazovanie, nauka, innovatsii, kul’tura i vyzovy sovremennosti. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Donetsk Conference 2020, Education, Science, Innovation, Culture and Modern Challenges, Proceedings of the V International Scientific Conference], vol. 9, Donetsk, pp. 134–137.
- Voropayeva, Yu.P. (2011), “The Problem of Ethics Nonviolence in Conditions of Globalization”, *Vestnik OGU*, no. 7 (126), pp. 96–99.

Информация об авторе

Анастасия Г. Гачева, доктор филологических наук, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва, Россия; 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, д. 25а;

Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1;

Библиотека № 180 им. Н.Ф. Федорова ОКЦ ЮЗАО г. Москвы, Москва, Россия; 117485, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 92; a-gacheva@yandex.ru

Information about the author

Anastasiya G. Gacheva, Dr. of Sci. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 25A, Povarskaya Street, Moscow, Russia, 121069;

Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 3–5, Gazetny Lane, Moscow, Russia, 125009;

Fyodorov's Library no. 180 OKC of the Southern Administrative District of Moscow Moscow, Russia; bld. 92, Profsoyuznaya Street, Moscow, 117485, Russia; a-gacheva@yandex.ru